

УДК 340.1

**К вопросу о соотношении категорий «законность» и «целесообразность»
в теории права****Сайфуллин А.И.**Старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье рассматриваются проблемы современного подхода российского правоведения к соотношению категорий «законность» и «целесообразность», анализируются отдельные актуальные аспекты правоприменительной практики в контексте взаимодействия данных категорий (явлений). Определяется место целесообразности в современной теории права и отраслевом законодательстве. Актуальность исследования детерминирована недостаточностью теоретических разработок данного вопроса в общей теории права, а также в сложившейся правоприменительной практике.

Ключевые слова: законность, целесообразность, правоприменение, распространительное толкование

Вопросы корреляции категорий «законность» и «целесообразность» активно рассматривались отечественными правоведами в советский период. Понимая «законность» как сугубо догматическую юридическую категорию, при которой все субъекты права обязаны неукоснительно соблюдать и исполнять все законы, изданные советской властью, она сводилась, собственно, только к «соблюдению и исполнению», но допуская при этом отход от законности к целям «классовой целесообразности» [1]. Более того, отдельные представители открыто заявляли, что «суть революции именно и заключается в “захватном праве”» [2, с. 225], утверждая: «мы должны стоять не на почве законности, а встать на почву революции» [2, с. 227]. То есть в достижении революционных целей и задач строящегося государства допускалось нивелирование принципов законности во имя исключительной целесообразности реализации тех или иных задач победившего пролетариата.

В советский период исследователи указывали на наличие двух основных аспектов законности и целесообразности: «а) целесообразность действующих юридических норм (и отсюда – допустимо ли отступать от требований закона по мотивам целесообразности); б) целесообразность применения юридических норм в пределах «свободы усмотре-

ния», предоставленной законом компетентным органам» [3].

Отношение к изучению категории «целесообразность» или к принципу целесообразности остается достаточно скептическим, возможно, в силу ее отождествления с «революционной целесообразностью» или же по причине устоявшейся позиции в теории права о целесообразности как функциональной характеристики права, объясняющей его (права) способность быть уникальным средством упорядочивания общественных отношений, установления правопорядка и разрешения социальных конфликтов.

Сама по себе категория целесообразности входит в научный оборот в 30-50-е гг. XIX в. В философии целесообразность определяется как соответствие явления или процесса какому-то (относительно завершённому) состоянию, материальная или идеальная модель которого представляется в качестве цели [4].

В теории права, по мнению М.Н. Марченко, целесообразность предстает как «учет конкретных условий применения того или иного нормативно-правового акта, принятие во внимание специфики сложившейся ситуации в момент вынесения решения, выбор наиболее оптимального варианта реализации правовых требований в тех или иных конкретных обстоятельствах» [5]. В юридической науке к целесообразности зачастую обращаются преимуще-

щественно в вопросах познания принципов юридической ответственности. С точки зрения Р.А. Ромашова, принцип целесообразности «предполагает соответствие избираемой в отношении правонарушителя меры воздействия целям юридической ответственности» [6].

Наряду с этим, сама по себе «целесообразность» в теории права имеет собственные сущностные характеристики, значение и содержание. Представляя собой принцип некоторых отраслевых наук (тем не менее не закрепленный в большинстве отраслей отечественного законодательства), она ровно так же пронизывает значимую часть отраслевого законодательства, демонстрируя соответствие его нормативной сферы целям и ценностям права.

Важно отметить, что пограничное положение категорий «целесообразность», «законность» и «справедливость» предполагает недостаточность сугубо юридического подхода к исследованию данной проблематики. Изучение подобных явлений (категорий) всегда должно носить междисциплинарный характер [7] в силу значимости их всестороннего осмысления не только в контексте правореализации, но и на этапе формирования законодательства, подтверждая, например, целесообразность формирования или принятия отдельных правовых норм. Сегодня их принятие требует серьезной аналитической работы, анализируя совокупность причин и условий для создания того или иного обязательного правила поведения.

Р.Ф. Степаненко справедливо отмечает, что «методология междисциплинарности, значение которой вряд ли оспоримо, имея неперсонифицированный для конкретных правовых систем характер, способствует нахождению философско-правовых, политико-правовых, экономико-правовых, психолого- и биолого-правовых, информационно- и технологических и других основ достижения справедливых целей права» [8], т.е. целесообразности как нормотворчества, так и реализации права.

Обращаясь к целесообразности, необходимо отметить, что на «острие» данного явления всегда находится правоприменитель, так как именно он решает – использовать ли ему в той или иной мере данные полномочия относительно какого-либо частного случая. Так, традиционной для российского правоприменителя становится проблема определения подследственности уголовных дел, расследуемых разными правоохранительными органами.

По некоторым категориям дел органы прокуратуры в исключительных случаях передают материалы в соответствии с профессиональными этическими соображениями, а возможно, и в целях поддержания интересов целесообразности в различные структуры правоприменительной системы. Формальные трактовки положений ст. 151 УПК РФ иногда ставят в тупик даже опытных правоприменителей. Под-

тверждением тому могут являться многократные обращения граждан к Конституционному Суду РФ с целью проверки на соответствие положений данной статьи применительно к частным случаям [9; 10] а также особое внимание со стороны Генеральной прокуратуры к данному вопросу [11]. К подобным случаям можно отнести дела, связанные с превышением должностных полномочий, преступления коррупционного характера и т.д. Возникшие обстоятельства, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции и предпринятыми попытками правового регулирования профилактики заражений, также заставляют обратиться к вопросу соотношения законности и целесообразности. Несмотря на еще не наступившую «постковидную реальность», некоторые наблюдения можно изложить уже сегодня.

Национальные правовые системы столкнулись с условиями, в которых необходимо было реагировать на сложившиеся обстоятельства максимально быстро, создавая при этом разного рода законы категории «*ad hoc*», создающие коллизии с остальным отраслевым законодательством.

Возникшая эпидемиологическая угроза продемонстрировала, что громоздкость и бюрократизированность правотворческого процесса, иные факторы в виде социально-экономической и политической ситуации в обществе делают и без того неповоротливую правовую систему еще более сложной, порождая за собой проблемы правореализации и пробелы в самой системе права.

Именно так оказалось в ситуации, когда со стороны закона остался не урегулированным целый список из вновь возникших понятий: «социальная дистанция», «самоизоляция», «масочный режим» и другие. Правоприменительная практика по ст. 6.3 КоАП РФ, ст. 20.6.1 КоАП РФ, ст. 263 УК РФ вызвала большое количество вопросов у населения страны, правоприменителей, особенно в судебном корпусе. Вносить ясность в правоприменительную практику был вынужден Верховный Суд РФ в «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (*COVID-19*) № 1». Стоит отметить, что разъяснения были даны оперативно и квалифицированно.

Таким образом, действия исполнительных органов власти по применению мер административного характера являлись, безусловно, целесообразными, однако значимый ряд примененных мер административного характера был отменен судами впоследствии, что говорит о том, что законность этих действий вызывала вопросы.

Воспринимая законность как форму, содержащую в себе целесообразность, представляется, что выходом из ситуации было бы расширение и разъяснение рамок отраслевого законодательства. Вос-

приятие законности, в данном случае как метода осуществления власти либо режима или политико-правового явления, является наиболее уместным, т.к. в первом случае сущностная составляющая предполагает, что правоприменитель должен действовать исключительно в рамках установленной позитивным правом законности. Стоит помнить также и то, что сама по себе законность является требованием к применению права (наряду с обоснованностью, справедливостью, гуманностью, профессионализмом и др.).

Обращаясь к возможному соотношению данных категорий с точки зрения диалектики, можно сделать предположение о том, что законность выступает в роли формы, а целесообразность – содержания. «Форма в данном случае, – пишет М.В. Бавсун, – представляется как наличие определенных границ, устанавливаемых законодателем, за которые не может выйти при осуществлении своей деятельности правоприменитель» [12, с. 48].

К примеру, показательна позиция, при которой еще в советский период предполагалось, что «в сфере применения права целесообразность не противостоит законности. Законность предоставляет простор для целесообразности, предъявляя в то же время требование наиболее действенной, т.е. наиболее целесообразной, реализации норм права» [13, с. 394]. В подобном случае некоторые представители отечественного правоведения считают разумным установить границы целесообразности при толковании законодательства, необходимостью видится установление нижнего предела, т.е. предела, за которым распространительное толкование не может существовать, является смысл, уясняемый при буквальном толковании нормы [14].

Предполагая также несовершенство современного законодательства, которое является базисом для законности, возникает вопрос о том, можно ли не исполнять «неправовые законы»? Возникновение подобных вопросов вынуждает вновь обратиться к категории «правозаконности», под которой отечественная юриспруденция понимает «строжайшее и неукоснительное проведение в жизнь не любых и всяких норм, а начал гуманистического права, прежде всего, неотъемлемых прав человека, и, кроме того, также связанных с ними ряда других институтов..., в том числе общедемократических правовых принципов, частного права, независимого правосудия» [15], отмечено С.С. Алексеевым.

Подвергая сомнению в данном случае важность принципа всеобщности законности, стоит оценить те риски, за которыми последует избирательное исполнение законов. Подобная точка зрения характерна, например, и для тех норм права, которые своей неопределенностью становятся коррупциогенными [16].

На данном этапе необходимо признать, что, несмотря на целесообразность всего комплекса

применяемых мер во время пандемии, значимые юридические категории были оставлены без учета особенностей законодательства в российском правовом поле. Ряд полномочий, делегированных на региональный и местный уровень, также вызвали коллизии между разными нормативными актами субъектов Российской Федерации, являясь при этом целесообразными в силу особенностей эпидемиологической обстановки от региона РФ к региону РФ, более того, от одного муниципального образования к другому.

Своевременное реагирование законодателя на существующие пробелы в праве всегда будет оставаться основой и незыблемым фундаментом для существования законности. Целесообразность же всегда должна находиться внутри самой законности, определяя ее сущность и содержание.

Литература:

1. Сольц А., Файнбит С. Революционная законность и наша карательная политика. – М.: «Московский рабочий», 1925. – 126 с.
2. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латгосиздат, 1964. – 748 с.
3. Социалистическая законность в советском государственном управлении / Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А.; Под общ. ред.: Студеникин С.С. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 136 с.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
5. Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. – 318 с.
6. Ромашов Р.А. Теория государства и права. СПб. – Питер: Питер Пресс, 2006. – 254 с.
7. Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 79-89.

8. Степаненко Р.Ф., Юн Л.В. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права) // Образование и право. – 2017. – № 3. – С. 194-199.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 г. № 2279-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никандрова Дениса Владимировича...» // СПС «Консультант плюс».
10. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2182-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исаева Абдул-Вахаба Абазовича...» // СПС «Консультант плюс».
11. Указание Генпрокуратуры РФ от 19.12.2011 г. № 433/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел» // СПС «Консультант плюс».
12. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 186 с.
13. Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. – М.: Юрид. лит., 1967. – 503 с.
14. Сабитов Т.Р. Применение уголовного закона по аналогии: история и современность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 137-143.
15. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Изд-во НОРМА, 1998. – 336 с.
16. Степаненко Р.Ф., Шаракшинова Т.Ч., Путинцев А.В. Проблемы неопределенности в законотворчестве: анализ коррупциогенных свойств правовых норм // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 3 (32). – С. 21-25.

On the Question of the Correlation of the Categories «Legality» and «Expediency» in the Theory Of Law

Sayfullin A.I.

University of Management «TISBI» (Kazan)

The article deals with the problems of the modern approach of Russian jurisprudence to the correlation of the categories "legality" and "expediency", analyzes some relevant aspects of law enforcement practice in the context of the interaction of these categories (phenomena). The place of expediency in the modern theory of law and industry legislation is determined. The relevance of the study is determined by the lack of theoretical developments of this issue in the general theory of law, as well as in the current law enforcement practice.

Key words: legality, expediency, law enforcement, distributive interpretation

